

*Анне Хэнниган,
важной части нашей команды
с самого начала*

У человека можно отнять все, кроме одного: последней свободы человека — выбирать собственное отношение к любым обстоятельствам, выбирать собственный путь. У вас всегда есть выбор.

В этом случае важно продемонстрировать уникальный человеческий потенциал — в лучшем случае, чтобы превратить личную трагедию в триумф, превратить свое затруднительное положение в человеческое достижение.

Доктор Виктор Франкль

ПРОЛОГ

То был напряженный день для Шари Смит. После скорого завтрака и обязательной молитвы родителей за нее и ее пятнадцатилетнего брата Роберта она помчалась в школу на репетицию выпускного, который должен был пройти в Зале Колизея университета Южной Каролины в воскресенье.

Ее и Энди Аун выбрали исполнять гимн — «Знамя, усыпанное звездами», поэтому им и пришлось репетировать с миссис Буллок, руководительницей хора. После репетиции наступит черед бесконечных дел, большинство из которых будут приготовлениями к поездке их выпускного класса на Багамы на следующей неделе.

Шари любила петь, и в средней школе Лексингтона она была солисткой джаз-бенда, участницей хора, певицей и танцовщицей в сценическом хоре. Она неоднократно получала награды от всех хоров штата и участвовала в губернаторской Школе искусств — и все это в дополнение к трем годам работы в студенческом совете. Она уже проходила прослушивание для работы певицей и танцовщицей на летний период в парке развлечений «Каровиндс» на границе штата с Северной Каролиной, к юго-западу от Шарлотта, где

уже выступала ее старшая и очень на нее похожая сестра Дон.

Несмотря на то что старшекласников редко брали на работу, Шари выиграла место и с нетерпением ждала своих летних выступлений с сестрой, которая жила в Шарлотте в съемной квартире с двумя подругами, также обучавшимися вокалу и фортепиано в Колумбийском колледже в Колумбии, столице Южной Каролины. Шари и Дон Смит, обе сногсшибательные голубоглазые блондинки, регулярно пели в Баптистской церкви Лексингтона, к которой принадлежала их семья. Также сестры Смит, как их стали называть, откликались на многочисленные просьбы выступить в других церквях в этом районе. Кроме того, Шари любила практиковаться в танцах на баскетбольной площадке перед гаражом, когда ее брат Роберт не бросал там мяч в кольцо. Иногда она приводила родителей посмотреть.

Но мечты Шари на лето рухнули. Она провела несколько выходных в «Каровинде», разучивая свои программы для кантри-шоу, но после нескольких репетиций охрипла и выступала с большим трудом. Мама и папа отвели дочь к фониатру, и тот сообщил плохие новости: у Шари появились узлы на голосовых связках. Ей прописали полный двухнедельный отдых, после чего она должна воздержаться от пения еще шесть недель. Шари была ужасно огорчена из-за того, что не сможет поработать летом в парке развлечений, и утешала себя лишь тем, что осенью присоединится к Дон в Колумбийском колледже.

Около десяти часов утра Шари позвонила матери из школы и сказала, что наберет ей еще раз, когда будет уходить, — им нужно было встретиться

в банке, чтобы получить дорожные чеки для поездки. Она позвонила снова около одиннадцати, сказала, что еще не освободилась, но скоро перезвонит. Родители обычно настаивали, чтобы они с Робертом звонили как можно чаще и сообщали, где находятся, и против этого правила Шари не возражала, потому что сама любила поболтать. В школьном ежегоднике ее называли «самой остроумной» и «самой талантливой» девушкой в выпускном классе, но иметь две высшие степени не разрешалось, поэтому она уступила последнее звание другой девушке, которая была в восторге от оказанной чести.

Подготовка требовалась большая.

Около 11:30 утра Шари снова позвонила домой сообщить маме, что они могут встретиться через полчаса в отделении Национального банка Южной Каролины в торговом центре Лексингтон-Таун-сквер. Она также попросила принести ей купальный костюм и полотенце — в доме ее подруги Даны, в нескольких милях от центра, на озере Мюррей, планировалась вечеринка у бассейна. На Шари были мешковатые белые шорты и пуловер в черно-белую полоску, и она хотела переодеться после банка.

В банке Шари встретилась со своим парнем Ричардом Лоусоном и хорошей подругой Брендой Бuzер. Окруженная самыми близкими людьми, она была в прекрасном настроении. Получив дорожные чеки, троица отправилась на вечеринку, оставив свои машины на стоянке торгового центра.

Около 14:30 пополудни Шари позвонила от Даны и сказала, что возвращается домой. Поверх купальника она надела рубашку и шорты. Бренда и Ричард отправились с ней. Примерно

через пятнадцать минут они вернулись в торговый центр, где Бренда и Шари забрали свои машины. Бренда попрощалась, а Шари с Ричардом немного посидели в его машине. Потом Шари села в свой маленький голубой хэтчбек «Шевроле-Шеветт» и отправилась домой, а Ричард следовал за ней до поворота на шоссе 1, к Ред-Бэнк.

Смиты жили за городом, в доме, который они построили на двадцати акрах земли на Платт-Спрингс-роуд, примерно в десяти милях от Лексингтона. Дом стоял в стороне от шоссе, на возвышении, в конце подъездной дороги длиной в 228 метров, что обеспечивало достаточное уединение. Девочки не были в восторге от переезда из предыдущего дома в уютном районе Ирмо в Колумбии, где рядом жили их друзья, а школа находилась всего в миле, но их отец вырос за городом и считал, что это лучший способ воспитать собственных детей. На новом месте они построили бассейн, а Дон и Шари разрешалось держать лошадей, хотя к тому времени, когда Дон уехала в колледж, Шари и Роберту больше нравилось кататься по территории на небольшом мотоцикле, и лошадей продали. Катались подростки часами, иногда шутливо ссорясь из-за того, кто больше времени проводит на мотоцикле. В белокурой Шари, несмотря на ее женственную красоту и певучий ангельский голос, было многое от сорванца — в отличие от Дон, которую младшая сестра дразнила, называя «паинькой».

Где-то около 15:25 Шари въехала на подъездную дорожку и остановила машину, чтобы, как обычно по возвращении, проверить почтовый ящик, установленный на столбе. Поскольку от

дорожки до ящика было лишь несколько шагов, она не выключила мотор и не потрудилась надеть свои черные туфельки-джелли.

Была пятница, 31 мая 1985 года.

* * *

Боб и Хильда лежали в шезлонгах на заднем дворе, когда Шари позвонила им сообщить, что уходит с вечеринки Даны. Вскоре после этого они и пришли к бассейну — Боб хотел подготовиться к запланированной игре в гольф. Боб, инженер, работавший в департаменте автомобильных дорог, теперь продавал электронные табло и вывески для компании «Дактроникс» и часто работал дома. Он также, на добровольных началах, нес службу в тюрьмах и исправительных школах для мальчиков. Дон и Шари часто сопровождали его и пели перед заключенными. Хильда работала учительницей на неполную ставку в государственной школе.

Выглянув в окно, она увидела голубую «Шеветту» дочери, стоящую в начале подъездной дорожки. Когда через несколько минут машина не тронулась с места, Хильда пришла к выводу, что Шари, должно быть, получила письмо от Дон и задержалась, чтобы его прочесть. Шари нравилось узнавать новости от старшей сестры, и Хильда опасалась, что Шари будет жить ее интересами, так как ее собственные летние планы сорвались из-за проблем со связками. Хильда и Боб были глубоко религиозными людьми и старались воспитывать своих троих детей с таким же благоговением и верой. Шари так расстроилась из-за того, что не сможет быть летом с Дон и выступать с ней, что Хильда иногда задавалась вопросом,

почему Господь принес такое горькое разочарование ее младшей дочери.

Примерно пять минут спустя, когда входная дверь так и не открылась и восторженная Шари не ворвалась в комнату, Боб выглянул из окна своего домашнего офиса и увидел, что ее машина все еще стоит на дорожке. Это было странно. Возможно, Шари сидит в машине и читает письмо от Дон, сказала Хильда мужу, но Боб подумал, что здесь что-то не так. У Шари было редкое заболевание, так называемый несахарный — или водный — диабет, который вызывал настолько частую жажду и потребность в мочеиспускании, что создавал угрозу опасного для жизни обезвоживания. Болезнь не лечилась, но Шари принимала вазопрессин, гормон, регулирующий баланс жидкости, вырабатывать который не мог ее организм. В детстве девочке через день делали болезненный укол большой иглой. Позже, к счастью, вместо инъекций был разработан назальный спрей. Один флакон всегда лежал в сумочке Шари, а другой хранился дома в холодильнике. Если бы по какой-то причине Шари не приняла лекарство, она могла потерять сознание и в конце концов впасть в кому.

В любом случае, независимо от причины, девочка не проделала оставшийся путь по подъездной дорожке, и Боб взволновался. Он быстро схватил ключи, прошел в гараж, сел в свою машину и проехал по длинной грунтовой дорожке.

Через несколько секунд он уже был на месте. Дверца со стороны водителя была открыта, мотор работал. На земле возле открытого почтового ящика лежали письма. Но Шари не было. Боб безрезультатно окликнул ее. Он заглянул

в машину через открытую дверцу. Полотенце, которое Хильда принесла дочери, лежало на водительском сиденье, сумочка Шари — на пассажирском, а туфли стояли на коврикe. Боб раскрыл сумку и порылся внутри. Бумажник и лекарство были на месте.

На земле следы босых ног вели от машины к почтовому ящику, но — что выглядело зловеще — назад они не возвращались.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПРЕСЛЕДУЯ УБИЙЦУ